

Речь как первое установление общества:

Руссо и революционная политика языка

ЕВГЕНИЙ БЛИНОВ

Евгений Блинов. Кандидат философских наук, докторант Университета Тулуза 2, Франция. Адрес: R 220, 5 allées Machado, Toulouse F-31058, Cedex 09. E-mail: moderator1979@hotmail.com.

Ключевые слова: Жан-Жак Руссо, происхождение языка, прямая демократия, французская революция, языковая политика, возрождение классических добродетелей.

Статья посвящена анализу различных теорий о происхождении общества, изложенных Жан-Жаком Руссо во «Втором рассуждении» и «Опыте о происхождении языка». Особое внимание уделяется роли, отведенной в протогенезе социальных связей речи (*parole*), которую Руссо называет «первым установлением общества». Также рассматривается широкий круг вопросов, связанный с влиянием его теоретического наследия на различные аспекты законодательной деятельности революционного правительства периода якобинской диктатуры. Главный акцент сделан на использовании руссоистских концептов при разработке новой политики языка. При этом выявляется ее непосредственная связь с такими магистральными темами Руссо, как учреждение новой системы воспитания и «прямой демократии».

SPEECH AS THE FIRST INSTITUTION OF SOCIETY: ROUSSEAU AND THE LANGUAGE POLICY OF REVOLUTION

EVGENY BLINOV. PhD Candidate at the University of Toulouse 2. Address: R 220, 5 allées Machado, Toulouse F-31058, Cedex 09. E-mail: moderator1979@hotmail.com.

Keywords: Jean-Jacques Rousseau, origin of language, direct democracy, French Revolution, language policy, regeneration of classical virtues.

The goal of this article is to analyze the theories of the origin of society set forth in Jean-Jacques Rousseau's *Second Discourse* and in his *Essay on the Origin of Language*. The article focuses on the role of speech in the proto-genesis of social connections, as Rousseau refers to speech as the "first institution of society". The author also addresses a vast range of problems concerning the impact of Rousseau's theoretical legacy on various aspects of the revolutionary government's legislative activities during the Jacobin dictatorship. The main aim of the article is to expand upon the use of Rousseauist concepts in the development of new language policy. Additionally, the article reveals its immediate relation to essential topics of Rousseau's works, such as the establishment of a new system of education and direct democracy.

СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ, ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ: ГРАЖДАНИН ЖЕНЕВЫ В ПАНТЕОНЕ

НВАДЦАТЬ ВОСЬМОГО фрюктидора второго года республики, единой и неделимой, член Комитета общественного образования Жозеф Ляканалль выступил с речью о Жан-Жаке Руссо, приуроченной к торжественному перезахоронению праха философа в Пантеоне: «Голос всего поколения окреп благодаря его принципам, поколения, если можно так выразиться, им воспитанного: именно к нему сегодня призывает республика...»¹ Речь Ляканалля, произнесенная, выражаясь языком эпохи, по случаю «пантеонизации» Руссо², была его по смертной апологией, включавшей в себя как список заслуг гражданина Женевы перед республикой, так и перечень его злоключений при Старом режиме. «В королевствах, — продолжает Ляканалль, — его ждал лишь эшафот, у народов свободных он обретет свой венец»³. В подтверждение этой мысли послы свободной Женевы понесут транспарант: «Аристократическая Женева изгнала его, Женева возрожденная (*régénérée*) отмстит его память»⁴. «Жан-Жак Руссо, гражданин Женевы» — указывал он на титульных листах своих главных книг, как если бы речь шла о графе или маркизе. Аристократическая Женева сожжет «Эмиля» и «Общественный договор», просвещенный Париж вынудит их автора скитаться по Европе, надменный Лондон поднимет его на смех. Через пятнадцать лет самый скандальный и несвоевременный писатель XVIII века обретет покой в Пантеоне героев

1. *Lakanal J.* Rapport sur J.J. Rousseau fait au nom du Comité d'instruction publique. P.: Imprimerie Nationale, 1794. P. 2.
2. О перипетиях с перезахоронением праха Руссо см.: *Van Damme S.* Paris, capitale philosophique: De la Fronde à la Révolution. P.: Odile Jacob, 2005. P. 230–234.
3. *Lakanal J.* Op. cit. P. 4.
4. *Ibid.* P. 14.

республики. Его книги были наиболее темпераментным и вместе с тем наиболее систематическим ниспровержением основ Старого режима: новая мораль, новая эстетика, новые принципы политического сообщества. Долой вашу любовь, долой ваш строй, долой ваше искусство!

Чему же научил Руссо строителей «возрожденной» Франции? Ответить на этот вопрос не проще, чем дать оценку интерпретации советскими лидерами Маркса, идеологами национал-социализма Ницше или сторонниками неолиберализма Адама Смита. В данной статье нас интересует влияние Руссо на достаточно специфический сегмент революционного праксиса, а именно на политику языка. Хотя, как мы постараемся показать, эта проблема непосредственно связана с магистральными темами Руссо: учреждением новой системы воспитания и парадоксами прямой демократии.

РУССО КАК ПЕРВЫЙ АВТОР РЕВОЛЮЦИИ

Итак, революция официально провозглашает Руссо первым законодателем республики. Если следовать социалистической традиции, восходящей к Луи Блану, то пик его влияния приходится на вторую фазу революции, то есть на период якобинской диктатуры⁵. Впрочем, в новых исследованиях революционных идей, как, например, в «ревизионистских» работах Франсуа Фюре, можно встретить упрек в адрес «революционных» интерпретаторов Руссо в том, что они слишком часто «читали его через Робеспьера»⁶. Фюре уверен, что якобинский террор — воплощение самых пессимистичных прогнозов автора «Общественного договора», а вовсе не триумф народовластия. Однако сами участники революции придерживались иной точки зрения: уже в октябре 1790 года бюст Руссо установлен в зале заседания Национальной ассамблеи, в августе следующего года подана петиция о торжественном перезахоронении его праха в Пантеоне, осуществленная наконец 11 октября 1794 года. Согласно известному анекдоту, бюст Жан-Жака, установленный в Национальной ассамблее, весьма отдаленно напоминал его прижизненные

5. См. краткий очерк в статье Бернара Манена: *Manin B. Rousseau // Dictionnaire critique de la Révolution Française: Idées / M. Ozouf, F. Furet (dir.). P.: Flammarion, 2007. P. 458–482.* Подробнее вопрос освещается в монографиях Роже Барни: *Barny R. Rousseau dans la Révolution: Le personnage de Jean-Jacques et les débuts du culte révolutionnaire, 1787–1791. Oxford: Voltaire Foundation, 1986; Idem. L'éclatement révolutionnaire de rousseauisme. P.: Les Belles Lettres, 1988.*

6. *Furet F. La Révolution française. P.: Gallimard, 2007. P. 220.*

портреты, что послужило поводом для шуток об адекватности восприятия работ Руссо его последователями. Однако мы, скорее, присоединяемся к мнению одного из наиболее влиятельных интерпретаторов женевского философа, Роберта Уоклера, заметившего, что вопрос не в том, насколько бюст напоминал Руссо, а почему ему вообще нашли там место⁷.

В 1791 году автор петиции Луи-Себастьян Мерсье публикует двухтомный трактат под характерным названием «О Жан-Жаке Руссо как об одном из первых авторов революции»⁸. Именно в этом качестве его воспринимали как сторонники, так и противники нового строя, хотя споры о характере этого влияния совпали по времени с первыми признаками канонизации Руссо⁹. С момента учреждения Национальной ассамблеи и отмены сословной системы основная полемика велась вокруг системы представительной власти, которую Руссо в «Об общественном договоре» называет пережитком «феодалного правления» (*Gouvernement féodal*)¹⁰. В этом отношении он был намного радикальнее своих буржуазных коллег по «Энциклопедии», надежды которых выражены в знаменитой статье «Представители» (*Représentants*), принадлежавшей перу Гельвеция и опубликованной в четырнадцатом томе «Толкового словаря наук, искусств и ремесел»¹¹.

На утопичность идеи прямой демократии в новых условиях неоднократно указывали критики из числа тех, кому суждено было стать фактическими законодателями нового строя. Именно по этой причине Сийес, один из архитекторов системы представительной демократии и автор самого термина «Национальное собрание», называл Руссо «мыслителем безупречного чувства и неустойчивых взглядов»¹². Он уверен, что «представительство» (*représentation*), созданное после 1789 года, — продукт нового «социального искусства» (*art social*) и является изобретением революции. При этом авторитет Руссо в вопросах, вы-

7. Wokler R. Rousseau on Society, Politics, Music and Language. L.; N.Y.: Garland Publishing, 1987. P. 3.

8. См. новейшее критическое издание с комментариями Раймона Труссона в серии *Age de Lumières: Mercier L.-S. De Jean-Jacques Rousseau considéré comme l'un des premiers auteurs de la Révolution*. P.: Honoré Champion, 2010.

9. Интересный взгляд на Руссо из аристократического лагеря см.: Barny R. Op. cit. P. 165–227.

10. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 222.

11. См.: Textes choisis de l'Encyclopédie / A. Soboul (dir.). P.: Editions Sociales, 1962. P. 215–222. О влиянии этой статьи см.: Lough J. Encyclopédie. Genève: Slatkin, 1989. P. 312–319.

12. Цит. по: Manin B. Op. cit. P. 463.

ражаясь современным языком, конституционных основ режима редко подвергался сомнению. Как отмечает Бернар Манен, вплоть до установления якобинской диктатуры противники революции также апеллируют к авторитету Руссо, делая акцент на учении об общей воле и ее несовместимости с моделью представительной демократии¹³. Ряд исследователей обращал внимание на то, что трактат «Об общественном договоре», вызвавший большой интерес в начале 1760-х годов, сравнительно редко переиздавался вплоть до самой революции, значительно уступая по популярности «Новой Элоизе» и «Эмилю»¹⁴. На это можно возразить, что пятая книга «Эмиля» содержит краткий синопсис основных положений «Общественного договора» и вполне отражает его дух: отправляя своего подопечного в гран-тур по Европе, Руссо-наставник находит предлог для краткого изложения своих политических взглядов¹⁵. Как заметил в упомянутой речи Ляканал, «в некотором смысле сама революция объяснила нам „Общественный договор“»¹⁶. Таким образом, главная заслуга Руссо в том, что он «произвел революцию в установлениях и нравах» (*institutions et meurs*)¹⁷. Чтобы понять причину упадка нравов, необходимо «найти начало человеческих установлений» (*trouver l'origine des institutions humaines*)¹⁸.

СВЯЗЬ ЯЗЫКОВ И ФОРМ ПРАВЛЕНИЯ

В «Опыте о происхождении языков» Руссо называет речь (*parole*) «первым общественным установлением» (*première institution sociale*)¹⁹. Она не сводится к логически упорядоченному «способу передачи мыслей», как утверждала «общая грамматика» XVII–XVIII веков, и не ограничивается «семиотикой страстей», исследованию которой посвящена значительная часть

13. Ibid. P. 460.

14. См., напр., классическую работу Данэля Морне: *Mornet D. Les Origines intellectuelles de la Révolution française: 1715–1787*. P.: Tallandier, 2010. P. 227–228. Эта точка зрения оспаривается Уоклером, показавшим, что непосредственно перед революцией собрание сочинений Руссо имелось в библиотеках 25 из 29 Парижских магистратов, см.: *Wokler R. Op. cit.* P. 287.

15. *Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или о Воспитании* (кн. V) // Руссо Ж.-Ж. Избр. соч.: В 3 т. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1961. Т. 1. С. 681–699.

16. *Lakanal J. Op. cit.* P. 6.

17. Ibid.

18. *Руссо Ж.-Ж. Опыт о происхождении языков, а также о мелодии и музыкальном подражании* [1761] // Руссо Ж.-Ж. Избр. соч.: В 3 т. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1961. Т. 1. С. 238.

19. Там же. С. 221.

«Опыта»²⁰. Общепонятный и внятно артикулированный язык — условие возможности политического сообщества как такового. Руссо предлагает исследовать «отношение языков к образу правления», его историческая типология призвана преодолеть ограниченность абстрактных генеалогических построений Кондильяка. «Опыт» Руссо содержит много как прямых, так и неявных отсылок к «Опыту о происхождении человеческих знаний» (1746), а точнее, к его второму разделу «О языке и методе»²¹.

Кондильяк говорит о духе языка, который зависит от климата и «формы правления», причем последняя приобретает устойчивые формы в силу «естественной склонности». Впрочем, он сразу оговаривается, что эти наклонности «меняются в силу тысячи разных обстоятельств»²². Руссо идет дальше: любая устойчивая форма коммуникации в человеческом сообществе, которая приводит к образованию того, что мы называем политическими институтами, оставляет свой след в языке. Красноречие греков было основой их политического строя, а его упадок означает упразднение «древних свобод и добродетелей»:

В древние времена, когда действовали убеждением, а не общественным насилием, красноречие было необходимо. Но какая польза от него теперь, когда убеждение замещено общественным насилием? <...> Народный язык стал для нас также бесполезен, как и ораторское искусство. Общество приняло свой окончательный вид; если в нем что-то изменяют, то только силой пущек и золота. Обращаясь к народу, осталось лишь говорить: «Давайте деньги», для чего достаточно объявлений на перекрестках и солдатского постоя. Для этого не надо никого собирать. Наоборот, подданных следует держать разьединенными — вот первая заповедь современной политики²³.

«Опыт» Руссо был написан в 1750-х — начале 1760-х годов и впервые опубликован только в 1781 году. Но тогда, за восемь лет до взятия Бастилии, даже самый ревностный поборник древних свобод едва ли мог представить, что филиппики Руссо станут

20. Об общей грамматике в контексте эпистемологии своего времени см.: Фуко М. Слова и вещи. М.: Прогресс, 1977. С. 114–153. Критическое отношение Руссо к «Грамматике Пор-Рояля» Н. Арно и К. Лансело во многом связана с влиянием, которое на него оказал комментарий, составленный Шарлем Дюкло. О влиянии Дюкло см., напр.: Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000. С. 324–327.

21. См.: Кондильяк Э. Б. Соч.: В 3 т. М.: Мысль, 1980. Т. 1. С. 182–272.

22. Там же. С. 261.

23. Руссо Ж.-Ж. Опыт о происхождении языков... С. 266. Ср. похожий пассаж у Кондильяка: «Тогда талант красноречия был дороже всего для граждан, так как открывал путь к более высокому положению в обществе» (Кондильяк Э. Б. Соч.: В 3 т. Т. 1. С. 207).

эпитафией Старого режима, а лучшие ораторы нового времени именем народа и с неизменными ссылками на «бессмертного Жан-Жака» будут вершить судьбы монархий и правительств²⁴. Так, восьмого плювиоза второго года республики Бертран Барер, один из самых ярких ораторов якобинской партии, прозванный за свое революционное красноречие Анакреоном Гильотины, представил Комитету общественного спасения свой доклад «О языках» (*Sur les idiomes*)²⁵. Барер де Вьёзак — депутат от третьего сословия, а при Старом режиме — адвокат парламента Тулузы и литератор, удостоенный за свое «Похвальное слово Жан-Жаку Руссо, гражданину Женевы» приза Академии Флоралий²⁶. В своей речи он призывает «популяризовать язык» и уничтожить «языковую аристократию», в точности следуя указаниям Руссо²⁷. «Мы, — начинает Барер, — сделали революционным правительство, законы, нравы, обычаи и даже сам ход мысли», теперь пришло время «сделать революционным язык» (*révolutionner la langue*):

В монархии всякий дом, всякая коммуна, всякая провинция была в некотором смысле отдельной империей со своими нравами, обычаями, законами и языком. Тиран нуждался в том, чтобы изолировать народы, разобщить провинции, столкнуть интересы, препятствовать общению, не допустить совпадения мыслей и единства порывов. Деспотизм поддерживал множественность наречий, монархия должна напоминать Вавилонскую башню, для тирана существует только один универсальный язык — это язык силы, чтобы обеспечить покорность, и язык поборов, чтобы иметь деньги. При демократии, напротив, надзор над правительством поручен каждому гражданину, но, чтобы надзирать за ним, необходимо его знать, а главное — понимать его язык²⁸.

Централизаторские проекты революционного правительства, как полагали их создатели, неосуществимы без единого и общепонятного национального языка. В представлении Руссо только язык, доступный «собравшемуся народу», дает гарантию понимания «общего интереса» (*intérêt commun*) и является, таким образом, необходимой предпосылкой осуществления единой и неотчуждаемой общей воли. Как указывает Барер, Старый режим с его таможами на границах провинций и, как следствие, десятками «патуа», намеренно препятствовал «совпадению мыс-

24. Lacanal J. Op. cit. P. 4.

25. Речь Барера воспроизведена в издании: *Une politique de la langue / M. de Certeau, D. Julia, J. Revel (dir.)*. P.: Gallimard, 1975. P. 321–331.

26. См.: *Barère B. Eloges académiques*. P.: Chez Renouard, 1806. P. 221–281.

27. *Une politique de la langue*. P. 348.

28. *Ibid.* P. 327.

лей и единству порывов» (*simultanéité des pensées et identité des mouvements*)²⁹, без которого народ не может «всегда быть тем, чем он должен быть», то есть сувереном.

ИДЕАЛЬНАЯ РЕСПУБЛИКА И НАЦИОНАЛЬНАЯ АССАМБЛЕЯ ЯЗЫКА

В демократии античного образца, воплощением которой для Руссо является Спарта, «единство мыслей и порывов» достиглось за счет «беспрерывного собрания народа на площади»³⁰. Аристотель в качестве критерия оптимального размера государства называл его «хорошую обозримость» (*εὐσύννοτος*)³¹, Руссо добавляет к этому необходимость хорошей акустики. Речи оратора должны быть не только слышны, но и понятны всем присутствующим. Именно по этому признаку можно отличить языки, которые когда-то были «языками свободы»:

Есть языки, благоприятные для свободы: это языки звучные, размеренные, гармонические; тут речь отчетливо слышна издалека. Наши же языки созданы для бормотания в государственных советах, на манер речей в турецких диванах. <...> У древних на общественных площадях ораторы произносили речи легко, там говорили день напролет без особого напряжения. Полководцы обращались к своим отрядам; речи эти были понятны, и полководцы не утомлялись. <...> Итак, я утверждаю, что всякий язык, который непонятен собранию народа, есть язык рабов. Народ, говорящий на этом языке, не может быть свободен³².

Из этого, впрочем, не следует, что демократия в современном политическом сообществе возможна только как имитация древнегреческого полиса. Напротив, Руссо полагает, что можно найти способ «соединить внешнее могущество многочисленного народа с легко осуществляемым управлением и добрым порядком малого государства»³³. Именно так будут рассуждать радикальные деятели якобинской партии, обращаясь к собравшемуся народу.

Однако для середины XVIII века признание приоритета отчетливости при произношении над логически верным поряд-

29. *Une politique de la langue*. P. 348.

30. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре... С. 222.

31. Аристотель. *Polit.* 1326b. О «евсиноптизме» Аристотеля см.: *Jannsens D. Easily, At a Glance: Aristotle's Political Optics // The Review of Politics*. 2010. Vol. 72. № 3. P. 385–408.

32. Руссо Ж.-Ж. Опыт о происхождении языков... С. 266.

33. *Он же*. Об общественном договоре... С. 223.

ком слов было вызовом классическому языкознанию, которое не уставало превозносить достоинства французского, в первую очередь — его «ясность» (*clarté*)³⁴. Как ни парадоксально, в этом мнении одного из самых тонких стилистов века противоречило вкусу современников, который выражен в чеканной формуле Ривароля: «Если что-то не ясно, то это не по-французски» (*Ce qui est n'est pas clair, n'est pas français*)³⁵. О том, насколько широко это убеждение разделялось в Европе, свидетельствует тот факт, что его конкурсная работа «Об универсальности французского языка» получила премию Берлинской академии наук³⁶. Хотя, возможно, гражданин Женевы первым пришел к новой формуле стиля, сформулированной Прустом и переосмысленной позднее Делезом, став «иностранцем в собственном языке» (*étranger dans sa propre langue*)³⁷.

В таком случае моралисту и критику, заявлявшему, что «мы переживаем упадок во всем», не имело смысла размениваться на частности³⁸. Этот упадок, по мнению Руссо, напрямую связан с деградацией институтов прямой демократии. Тема упадка была подхвачена многими революционными ораторами, причем она вполне могла сочетаться с восхвалением «самого прекрасного языка Европы». Да, признает в своем докладе Барьер, наш язык «долгое время был рабом, развращал дворян и порабощал народы», но он «заслуживает лучшей судьбы»³⁹. Новый язык свободы, вторит ему в своей знаменитой речи Анри Грегуар, будет реформирован демократическим путем. Национальная реформа отменит иерархию стиля, воспетую монархистом Риваролем, приспособив универсальный язык к использованию всеми гражданами. По убеждению Грегуара, социальное неравенство, кристаллизованное в жестких рамках «высокого стиля», препятствуют «политической амальгаме»⁴⁰. Без единого языка, подытоживает его предшественник Барер, «невозможно национальное возрождение» (*régénération nationale*)⁴¹.

34. О философском контексте споров о ясности языка см. содержательную монографию Ульриха Рикена: *Ricken U. Grammaire et philosophie au siècle des Lumières*. Lille: P.U.L., 1978. P. 73–82; 171–181.

35. *Rivarol*. De l'Universalité de la langue française. P.: Club français du livre, 1948. P. 90.

36. О значении работы Ривароля см.: *Brunot F. Histoire de la langue française*. Vol. VIII (1). P.: Armand Colin, 1967. P. 848–864; 889–902.

37. *Deleuze G. Critique et Clinique*. P.: Les Editions de Minuit, 1993. P. 138.

38. *Руссо Ж.-Ж. Письмо к д'Аламберу о зрелищах [1758] // Руссо Ж.-Ж. Избр. соч.: В 3 т. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1961. Т. 1. С. 146.*

39. *Une politique de la langue*. P. 321.

40. *Ibid.* P. 337.

41. *Ibid.*

«Возрождение» (*régénération*) — один из ключевых терминов в дискурсивных практиках революционных ораторов — напрямую восходит к Руссо, являясь развитием его органицистских метафор⁴². В квазиспартанских утопиях воспитательных систем якобинского периода, воспроизводящих основные темы «Письма к д'Аламберу о зрелищах», возрождение представлено как возвращение юных республиканцев к природе, которое имеет физический и моральный аспекты⁴³. Отсюда же берет начало противопоставление в наиболее радикальных руссоистских проектах «воспитания» (*éducation*) и «образования» (*instruction*). Воспитание направлено на «возрождение нравов», а образование заключается в изучении «искусств и ремесел»⁴⁴. Именно Возрождение лежит в основе революционной эсхатологии, в которой упадок Старого порядка противопоставлен здоровым силам внутри общества. Для последователей Жан-Жака «развитие наук и искусств», которое не способствует очищению нравов, не в состоянии спасти дряхлеющий организм. Но не говорил ли Руссо-пророк о таком периоде в жизни нации,

... когда перевороты действуют на народы так же, как некоторые кризисы на индивидуумов; когда на смену забвению приходит ужас перед прошлым и когда государство, пожираемое пламенем гражданских войн, так сказать, возрождается из пепла и вновь оказывается в расцвете молодости, освобождаясь из рук смерти⁴⁵.

Какую роль в этом возрождении играет реформа языка и, самое главное, каким образом она должна осуществляться? Грегар в своем докладе ссылается на известный анекдот о том, что «тиран не смог изменить значение слов», поскольку «всякое законодательство в сфере языков всегда было демократическим»⁴⁶. Процесс языковых изменений нередко понимался через лобовую метафору, а именно как результат законодательной дея-

42. Уоклер подробно анализирует давнюю полемику о значении для Руссо органицистских метафор у Руссо: *Wokler R.* Op. cit. P. 74–78. О «возрождении» см. обзорную статью Моны Озуф: *Ozouf M.* *Régénération* // *Dictionnaire critique de la Révolution Française*. P. 373–390.

43. См., напр., доклад Лепелетье, который считается одним из наиболее радикальных руссоистских проектов образования в сборнике: *Une éducation pour la démocratie. Textes et projets de l'époque révolutionnaire* / В. Bazchko (dir.). Genève: Droz, 2000. P. 351.

44. Более умеренных позиций придерживался Кондорсе, который в своих знаменитых диссертациях об образовании проводит идею о недопустимости разрыва «воспитания» и «образования». См.: *Condorcet N.* *Cinq mémoires sur l'instruction publique*. P.: Flammarion, 1994. P. 84.

45. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре... С. 182–183.

46. *Une politique de la langue*. P. 351.

тельности «Национальной ассамблеи языка». На создании подобного института настаивал Франсуа-Урбэн Домерг, называвший себя «грамматистом-патриотом» (*grammairien-patriote*). Он утверждал, что цель языковой революции в том, чтобы «поднять наш язык до уровня нашей Конституции»⁴⁷. В 1791 году Домерг основывает Общество любителей французского языка (*Société des amateurs de la langue française*), деятельность которого, согласно уставу, была направлена на составление словаря национального языка, «достойного этого века, философии и возрождения»⁴⁸. Список участников общества позволяет сделать вывод, что эта своеобразная ассамблея была весьма представительной: в ней числились как ведущие политики (Антуан, Бриссо, Рабо де Сент-Этьен и сам Робеспьер), так и разного рода *gens de lettres*, в том числе известнейшие писатели и ученые своего времени (Кондорсе, Мерсье, Турнон, аббат Сикар)⁴⁹. Любопытно, что первым пунктом программы значится разработка «систематической грамматики» (*grammaire raisonnée*) в согласии с новыми политическими принципами, которые затем необходимо «применить к работам Жан-Жака Руссо»⁵⁰. Вторым пунктом предписывается составление и регулярное пополнение словаря «в республиканском духе», который объяснял бы неологизмы, синонимы, изменения в орфографии и т. д. Также предусматривалось создание специальной комиссии, призванной разбирать трудности, возникающие при обучении детей и взрослых возрожденному языку, и составление «Альманаха республиканских муз».

События последующих лет показали, что определение важных политических терминов в республиканском духе станет одной из главных тем революционной прессы. Развернутую панораму этих дискуссий дает в своей классической работе один из метров французской школы дискурс-анализа — Жак Гийому⁵¹. Типичное мероприятие эпохи — конкурсы на лучшее определение ключевых понятий новой Конституции, таких как «свободный гражданин», «народ», «республика» и т. д.⁵² В работах Руссо можно найти немало примеров подобных споров о сло-

47. Цит. по: Dougnac F. Les sociétés linguistiques fondées par F.-U. Domergue à Paris de 1791 à 1811 // Les Idéologues: sémiotique, théories et politiques linguistiques pendant la Révolution française. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1986. P. 306.

48. Ibid. P. 314.

49. Полный список см. в: Ibid. P. 306–310.

50. Ibid. P. 317.

51. См.: Guilhaumou J. La langue politique et la Révolution Française. P.: Klincksieck, 1989.

52. Ibid. P. 61–69.

вах. Например, известное примечание к шестой главе первой части «Об общественном договоре» — «Об общественном соглашении», где отмечается, что истинный смысл понятия «гражданин» недоступен «для людей новых времен», а «французы совершенно запросто называют себя гражданами, потому что у них нет, как это видно из словарей, никакого действительного представления о смысле этого слова»⁵³.

Нередко местом подобных «логомахий», как выражался Грегуар, становилась трибуна парламента, и тогда они могли доставить решающий аргумент обвинения против отдельных лиц и целых фракций⁵⁴. Отмена традиционных сословий подорвала старую репрезентативную модель и привела к созданию нового «поля языка», в котором самоидентификация различных политических групп во многом зависела от консенсуса в определении ключевых идеологем. В подтверждении слов Руссо Робеспьер обвинял сторонников Бриссо в неправильном толковании термина «республиканец», а в своей знаменитой речи «О влиянии клеветы на революцию» он разоблачал «клеветников», которые «называют философские максимы, на основе которых организованы политические сообщества, подрывными теориями, противоположность тирании — анархией, революционные движения — беспорядками, смутой, бунтом»⁵⁵. За «философскими максимами», на которых основаны «политические сообщества», легко угадываются положения трактата «Об общественном договоре».

Квалификация конкретных политических жестов также не обходилась без лингвистических прений: якобинские издания называли «побег» или «похищение» короля «дезертирством» и приравнивали его к разрыву «договора с гражданами». В свою очередь, «умеренные» в своих журналах называли якобинцев «новой аристократией», а их законотворческий радикализм — «узурпацией»⁵⁶. Узурпация была самым страшным обвинением в революционном словаре, так как подразумевала отчуждение всеобщей воли и угрозу для народного суверенитета.

Как показывает наш беглый обзор, к авторитету Руссо прибегали по самым различным поводам, и лингвистические дебаты не были исключением. Внимание революционеров к языку, которое может показаться преувеличенным, только подчеркивает тот факт, что французская революция оставила после

53. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре... С. 161.

54. Une politique de la langue. P. 337.

55. Цит. по: *Guilhaumou J.* Op. cit. P. 106. См. также: *Blum C.* Rousseau and the Republic of Virtue: Language of Politics in the French Revolution. Ithaca: Cornell University Press, 1986.

56. *Guilhaumou J.* Op. cit. P. 73.

себя новый политический словарь, значительная часть которого была позаимствована у «великого женеваца». Как замечает Грегуар,

... новая грамматика и новый словарь кажутся поверхностным умам вопросами литературы. Но муж, который заглядывает далеко, сделает их своими политическими убеждениями. Мы должны обучаться своему языку, не отказываясь от своих принципов⁵⁷.

Эти принципы помогут излечить деградирующую цивилизацию от пороков, процветавших при Старом режиме, и поспособствуют возрождению нации-суверена.

Но к каким именно «сочинениям Жан-Жака Руссо» собирались применять правила рациональной грамматики учредители «Клуба любителей французского языка»? Что сам Руссо подразумевал под упадком и возрождением? Ответы на эти вопросы даст исследование генезиса «человеческих учреждений», которому посвящена одна из главных теоретических работ Руссо — «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми».

МОЛЧАНИЕ ОРАНГУТАНГОВ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ НЕРАВЕНСТВА

«Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми», или «Второе рассуждение», также было подготовлено Руссо к конкурсу, объявленному Дижонской академией. В отличие от «Первого рассуждения», принесшего Руссо академические лавры и европейскую славу, «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» не было оценено дижонскими судьями, что, впрочем, мало повлияло на его издательскую судьбу. К середине 1750-х годов Руссо уже имел сложившуюся репутацию скандального автора и мог не опасаться, что его новая книга будет обделена вниманием публики. Реакция на новый манифест гражданина Женевы была куда более резкой, чем на «Первое рассуждение», которое многие, в том числе его друзья-энциклопедисты во главе с Дидро, считали экстравагантным жестом начинающего автора⁵⁸.

Именно «Второе рассуждение» заложит основу легенды Руссо. «Дикий человек» (*homme sauvage*) станет поводом для мно-

57. Une politique de la langue. P. 349.

58. Wokler R. Op. cit. P. 401–403.

гочисленных анекдотов и острот, самой известной из которых является реплика Вольтера о том, что чтение новой книги Руссо, направленной «против человеческого рода», побуждает «встать на четвереньки»⁵⁹. Его к тому времени уже бывший друг Дидро опубликует в восьмом томе «Энциклопедии» статью «Гоббизм», в которой «природное состояние» по Руссо противопоставляется гоббсовской «войне всех против всех», что надолго станет расхожим историко-философским клише⁶⁰.

Однако, несмотря на этот анекдотический антураж, мы имеем дело с систематическим произведением, в котором гипотеза о естественном состоянии человека развивается с куда большей последовательностью, чем в большинстве аналогичных произведений XVIII века. Руссо освобождает «первого человека» или «существо» (*Être*) от «всех сверхъестественных даров» и «всех искусственных способностей», которое оно могло получить только в результате «долгого развития»⁶¹. Главная особенность этого существа, постепенно превращающего его в человека, — «способность к совершенствованию» (*perfectibilité*). Точнее, на первом этапе он «присваивает» (*approprié*) себе инстинкты различных животных, что постепенно выделяет его из природы⁶². В этой оптике общество и даже семья не данность, а продукт все того же долгого развития. Руссо радикально изменяет постановку вопроса: «дикий человек» не «зол» и не «добр», он вообще не вступает в продолжительные отношения с себе подобными, которые выходили бы за пределы его «естественных потребностей». «Дикий человек, который, блуждая в лесах, не обладал трудолюбием, не знал речи, не имел жилища, не вел ни с кем войны и ни с кем не общался, не нуждался в себе подобных, как и не чувствовал никакого желания им вредить, даже, может быть, не знал никого из них в отдельности»⁶³.

Таким образом, настоящая задача антропологии — осмыслить процесс зарождения самого элементарного человеческого сообщества. Именно по этой причине Клод Леви-Стросс назо-

59. Письмо Вольтера, адресованное Руссо, опубликовано в: *Rousseau J.-J. Œuvres complètes*. P.: Gallimard, 1995. Т. 2. P. 1379–1381, а его ответная реплика: *Ibid.* P. 226–229. Оба текста были по горячим следам опубликованы *Mercure de France* в октябре 1755 года.

60. *Textes choisis de l'Encyclopédie*. P. 124–126. Представление о Руссо как прямом антипode Гоббса станет общим местом, и только в середине XX века его попытается оспорить целый ряд исследователей во главе с Робером Дератэ: *Derathé R. Jean-Jacques Rousseau et la science politique de son temps*. P.: Vrin, 1992. P. 100–112.

61. Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми [1755] // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 47.

62. Там же. С. 48.

63. Там же. С. 69.

вет Руссо «подлинным основателем наук о человеке»⁶⁴. Для нас важно, что ключевую роль в этом протогенезе социума отводится возникновению и развитию «речи» (*parole*). Руссо отдает должное Кондильяку, однако, по его мнению, тот, «рассуждая о естественном состоянии, переносит на него понятия, взятые в обществе»⁶⁵. Тогда как дикий человек Руссо ведет кочевой образ жизни, который «не дает ни одному наречию времени утвердиться»⁶⁶. Затем, по каким-то невыясненным причинам, между людьми устанавливается «более тесное общение» и возникает потребность в языках. Руссо уточняет, что от естественного состояния этот момент отделяет «огромное пространство». Первым языком является «крик природы»; к нему постепенно присовокупляются жесты, которые «более выразительны и «менее зависят от предварительного согласия»⁶⁷. Именно эти жесты составляют в доисторический период своего рода «универсальный язык».

На следующем этапе деятельность «новоявленных грамматиков» состоит в наименовании окружающих предметов, обозначении видов совместной деятельности, то есть в обозначении материальных потребностей⁶⁸. Но, как замечает Руссо, в промежутке между этим протоязыком и артикулированной речью общественная жизнь должна усложниться настолько, что становится непонятно, «что было нужнее — общество, уже сложившееся, для введения языков либо языки, уже изобретенные, для установления общества»⁶⁹. Аналогичный парадокс наблюдается в отношении рассудка и речи, «ибо если люди нуждались в речи, чтобы научиться мыслить, то они еще больше нуждались в умении мыслить, чтобы изобрести искусство речи»⁷⁰. Первый этап этого перехода можно объяснить развитием примитивной кооперации и появлением семей, в рамках которых «постепенно совершенствовалась речь», затем становящаяся основой для формирования более устойчивых союзов. Вопрос о первоочередности речи или мышления остается открытым, причем Руссо, по не совсем понятным соображениям, допускает возможность того, что «языки не могли возникнуть и утвердиться с помощью средств чисто человеческих»⁷¹.

64. Lévi-Strauss C. *Anthropologie structurale* 2. P.: Plon, 1970. P. 45.

65. Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми. С. 58.

66. Там же. С. 59.

67. Там же. С. 58.

68. Там же. С. 61.

69. Там же. С. 62.

70. Там же. С. 59.

71. Там же. С. 63.

Впрочем, эта деистическая, как принято считать, уступка не упраздняет эволюционной схемы, а лишь ставит под вопрос линейный характер предполагаемой эволюции. Столкнувшись с аналогичной проблемой, Кондильяк признает божественное происхождение языка. При этом он считает вероятным, что «некоторое время после потопа» двое детей могли заблудиться в пустыне и утратить «адамический язык», который значительно превосходил их «скудные потребности»⁷². Поэтому сам факт божественного происхождения языка никак не объясняет последующего прогресса, связанного с усложнением материальных потребностей и развитием общества.

Руссо разделяет точку зрения Кондильяка, однако в усложнении материальных потребностей он видит не прогресс, а утрату изначальной свободы. По мере того как люди переходят к оседлому образу жизни, они привыкают к общественной жизни. Именно на этом этапе происходит ключевое событие, изменившее жизнь человеческого рода, — появление собственности. Потребности людей становятся все менее естественными, они «взваливают на себя ярмо», которое передают потомкам. Последовательное прохождение этих этапов «самосовершенствования» сложно представить без языка; более того, красноречие приобретает особую ценность в обществе: «самый красноречивый становился наиболее уважаемым, и это было первым шагом одновременно и к неравенству, и к пороку»⁷³. Именно красноречие позволяет «основателю гражданского общества», отгородившему «свой» участок земли, убедить своих простодушных соплеменников в законности и естественности этого акта⁷⁴.

В конечном счете мы не можем определенно ответить на вопрос, что появилось раньше — язык или мышление и могли ли они вообще развиваться естественным путем. Для общего замысла Руссо он вообще является второстепенным. Развитие языка сделало возможными оседлый образ жизни, совместный труд, потребность в общественном уважении, устойчивые семейные связи, которые положили конец золотому веку, когда люди «жили свободные, здоровые, добрые и счастливые, насколько они могли ими быть по своей природе»⁷⁵. Язык укрепляет общественные связи и становится, таким образом, эффективным орудием эксплуатации. По этой причине Руссо, допуская в отличие от Буффона и современного ему естествознания, что

72. Кондильяк Э. Б. Соч.: В 3 т. Т. 1. С. 182–183.

73. Там же. С. 184, 239.

74. Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми. С. 72.

75. Там же. С. 78.

орангутанги могут быть разновидностью «диких людей», высказывает предположение о некоем «негласном соглашении» между ними. В одном из писем Юму он объясняет умышленное молчание «хитростью» (*ruse*) орангутангов, которые опасаются, что их заставят работать⁷⁶.

Итоговую позицию Руссо во «Втором рассуждении» можно было бы сформулировать на манер николаевского министра: «Польза от языка сомнительна, а вред очевиден». Эти пессимистические выводы диссонируют с приведенными выше пассажами «Опыта» о языках, «расположенных к свободе», и роли красноречия в древнем полисе. Возникновение общества не компенсирует травматический разрыв с природой, а взаимная помощь, которая способствует развитию языков, приводит к утрате позаимствованных у животных инстинктов, когда-то возвысивших человека над прочими видами. Пресловутый переход от природы к культуре скорее напоминает натуралистическую интерпретацию мифа о грехопадении, чем рассуждения одного из авторов «Энциклопедии». Леви-Стресс, сделавший указанную формулу знаменитой, заявлял, что каждая строчка его «Печальных тропиков» могла бы быть посвящена Руссо. Но даже он вынужден признать, что «Второе рассуждение» оставляет «руины» на месте любой возможной этнографии⁷⁷. Из мрачной руссоистской картины протоистории не совсем понятно, каким образом возможна тройная трансформация, обозначенная Леви-Строссом как переход «от природы к культуре, от чувства к знанию, от животности к человечности»⁷⁸. В этом отношении особую важность приобретает текст, который был задуман Руссо как комментарий ко «Второму рассуждению» и получил название «Вопрос о происхождении языков».

ТРАНСВЕРСАЛЬНОСТЬ ЗЛА: ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЯЗЫКА И КОНЕЦ ЗОЛОТОГО ВЕКА

Как отмечает сам автор в «Проекте предисловия», замысел «Опыта о происхождении языков» возник из двух текстов, работу над которыми он начал в 50-е годы⁷⁹. Одна часть, посвященная происхождению языков, выросла из развернутого комментария ко «Второму рассуждению», который занимал слишком

76. См.: Wokler R. Op. cit. P. 151.

77. Lévi-Strauss C. Tristes topiques. P.: Plon, 1955. P. 351.

78. *Idem*. Anthropologie structurelle 2. P. 49.

79. В русском издании «Опыта» «Проект предисловия», опубликованный впервые в 1884 году, опущен без объяснения причин. Об истории издания см.: Rousseau J.-J. Œuvres complètes. T. 5. P. CXCVII–CCIV.

много места и не имел непосредственного отношения к основной теме книги. Вторая часть была задумана как ответ на критику со стороны Рамо музыкальных статей «Энциклопедии», значительная часть которых была написаны Жан-Жаком⁸⁰. Таким образом, «Опыт», являвшийся в некотором смысле побочным продуктом двух знаменитых трактатов Руссо, до недавнего времени занимал в руссоведческой библиографии достаточно скромное место. Он был напечатан посмертно в 1781 году и начиная с 1782 года входил в состав собраний сочинений.

Несмотря на ряд косвенных свидетельств о влиянии «Опыта», до определенного момента он издавался и комментировался относительно мало, причем интерес вызывала скорее его музыкальная часть, чем достаточно разрозненные лингвистические идеи. Жак Деррида, обращаясь к «Опыту» в середине 60-х годов XX века, называет его «малоизвестным» произведением⁸¹, что вполне отражает исследовательскую ситуацию того периода. Именно споры об истоках структурализма, находящегося тогда на пике своего междисциплинарного влияния, привлекли интерес к работе Руссо, до сих считавшейся второстепенной и интересовавшей главным образом узких специалистов. Деррида в статье с характерным названием «Женевский лингвистический кружок» проводит прямые параллели между «Курсом общей лингвистики» Соссюра и «Опытом», отмечая что оба автора понимали письменность как систему «репрезентации» речи и призывали к изучению знаковых систем в социальном контексте⁸². Значительная часть *opus magnum* Деррида — «О грамматологии» — также посвящена подробному анализу «Опыта».

Интерпретация Деррида, безусловно, заслуживает особого внимания, но я не буду останавливаться на ней подробно, поскольку даже поверхностный анализ откликов на «руссоистскую» часть «Грамматологии», которые последовали как со стороны специалистов по XVIII веку⁸³, так и со стороны авторов, близких к структурализму⁸⁴, потребовал бы отдельной статьи

80. О заказе Руссо музыкальных статей для «Энциклопедии» см.: Wokler R. Op. cit. P. 244–246.

81. Деррида Ж. О грамматологии. С. 328.

82. Derrida J. Marges de la philosophie. P.: Les Editions de Minuit, 1972. P. 179–182.

83. Wokler R. Op. cit. P. 357–360; Guilhaumou J. Op. cit. P. 92–93; Ricken U. Op. cit. P. 106, а также комментарии Старобинского в: Rousseau J.-J. Œuvres complètes. T. 5. P. ССII–ССIII.

84. Roudinesco E. A propos du «concept» de l'écriture. Lecture de Jacques Derrida // Littérature et idéologies. Colloque de Cluny, avril 1970. P.: La Nouvelle Critique, 1970. P. 219–230; De Man P. The Rhetoric of Blindness: Jacques Derrida's reading of Rousseau // Blindness and insight. Essays in the rhetoric of contemporary criticism. N.Y.: Oxford University Press, 1971. P. 102–141.

или даже монографии. Однако нельзя не отметить, что именно резонанс, который имела «Грамматология», в значительной степени способствовал тому, что в последние десятилетия именно «Опыт» является одним из наиболее комментируемых произведений Руссо⁸⁵.

Нас интересует вопрос о переходе от природы к культуре и роль, которую в этом переходе играет появление языка. Трактатка этой проблемы в «Опыте» отличается от «Второго рассуждения» в ряде ключевых моментов. В девятой главе «Опыта» «О формировании южных языков» от беззаботной жизни дикого человека не остается и следа. Теперь Руссо утверждает, что в «первоначальные времена» «человек, покинутый в одиночестве на земных просторах и отданный на милость всему роду человеческому, был свирепым зверем, он всегда был готов причинить другим то зло, которого сам ожидал от них»⁸⁶. Он специально оговаривается, что под «первоначальными временами» он подразумевает любое «разобщение» (*dispersion*) людей⁸⁷. Языком этих «первых людей» были «жесты и несколько нечленораздельных звуков» (*geste et quelques sons inarticulés*)⁸⁸. «Дикий человек» из «Второго рассуждения» был «свободным и счастливым» ровно до тех пор, пока он жил в одиночестве и не обременял себя мыслями о «запасе пищи для двоих». Человек из «первоначальных времен», выведенный в «Опыте», живет в хижине со своей семьей, хотя и не имеет представления о человеческом роде: «Вне его самого и его семьи вся вселенная для дикаря была ничто»⁸⁹. Руссо уточняет, что именно вследствие «разобщенности» семейных групп эти «варварские времена» (*temps de barbarie*) и были золотым веком (*siècle d'or*) человечества⁹⁰.

Чтобы объяснить это видимое противоречие, Руссо неожиданно обращается к авторитету Библии. Под золотым веком он подразумевает «век патриархов» (*age patriarchal*), отделенный десятью поколениями от «первоначальных времен» (*premier âge*), что составляет немалый срок с учетом долголетия патриархов. Затем происходит катастрофа, вследствие которой люди разделяются и «забывают» об общественной жизни со всеми ее атрибутами, важнейшим из которых является язык: «Адам умел

85. О чем свидетельствует, например, посвящение «Опыту» специальных номеров таких авторитетных журналов, как *Studies on Voltaire and the eighteenth-century* (2004, № 8) и *Etudes Jean-Jacques Rousseau* (2005–2006, № 16).

86. Руссо Ж.-Ж. Опыт о происхождении языков... С. 238.

87. Там же. С. 240.

88. Там же. С. 238.

89. Там же. С. 239.

90. Там же. С. 240.

говорить. Ной также! Что ж, ведь Адама обучил этому сам Господь. Но, разделившись, дети Ноя забросили земледелие, и общий язык погиб вместе с первым обществом. Это произошло бы и без Вавилонской башни»⁹¹. Эти затерянные в пустыне потомки Ноя впадают в состояние «тупой дикости» (*stupide barbarie*), становясь «прожорливыми, плотоядными охотниками»⁹².

Зачем Руссо понадобилось появление этого «бога из машины», который столь торжественно был устранен из «Второго рассуждения», не совсем понятно. С одной стороны, он практически буквально воспроизводит приведенные выше аргументы Кондильяка, стремясь, подобно аббату-сенсуалисту, «примирить авторитет Библии с древними памятниками»⁹³. С другой — гипотеза о «разобщении» после потопа не объясняет, каким образом человек от языка жестов переходит к «настоящим языкам». Если во «Втором рассуждении» язык начинал формироваться в семье, то дикарь из «Опыта» в своей хижине вполне довольствуется жестами и «нечленораздельными звуками». Однако пресловутый выход дикарей «наружу» (*hors de chez eux*), приводящий к появлению «настоящих языков», не может быть объяснен развитием материальных потребностей в смысле Кондильяка, поскольку, по мнению Руссо, на этом этапе потребности разделяют, а не сближают различные семьи. Таким образом, процесс социализации остается необъяснимым, но Руссо теперь не «одиноким мыслитель», столкнувшийся с парадоксом, а визионер, воображающий изменения «лика Земли»: «Тот, кто пожелал сделать человека существом общественным, коснулся пальцем оси земного шара и наклонил ее над осью вселенной»⁹⁴.

За этими поэтическим фигурами Руссо на время упускает из вида вопрос о происхождении языков, которое он, как подразумевает название главы, связывает с климатом. Именно этими факторами обусловлено различие языков: в южных странах потребность в кооперации минимальна и связана главным образом с ирригационными работами. Варвар-скотовод встречается с представителями других семейств у водоемов, где и возникают первые контакты, закреплению которых, однако, не способствуют мягкость климата и кочевой образ жизни. По этой причине формирование народов, а следовательно, языков происходит медленнее всего: «Семьи были, но не было народов; были языки домашнего обихода (*langues domestiques*), но не было языков народных (*langues populaires*); были браки, но любви не бы-

91. Руссо Ж.-Ж. Опыт о происхождении языков... С. 241.

92. Там же.

93. Там же.

94. Там же. С. 243.

ло»⁹⁵. Именно общение между полами и свойственные ему страсти в конце концов «исторгли первые звуки» у обитателей южных стран. Таким образом, отвергается гипотеза Кондильяка о первичности материальных потребностей при возникновении языков, поскольку цивилизация ведет свое происхождение из южных стран. В этом сходится мнение естественной истории XVIII века, Ветхого Завета и «древних памятников».

Тем не менее, продолжает Руссо, те, кто объясняет происхождение языков материальными потребностями, не так уж и не правы. Просто они описывают привычную им северную культуру, поскольку языки этих стран, к которым Руссо причисляет и свой родной французский, действительно «унылые сыны необходимости». В северных странах императивом формирования первых обществ было не «полюбите меня» (*aimez-moi*), а «помогите мне» (*aidez-moi*), поэтому «северянам не приходилось внушать какое-либо чувство, а надо было передать мысль; поэтому ясность (*clarté*) здесь важнее энергии (*énergie*)»⁹⁶. Северные языки формируются быстрее и становятся «народными» (*populaires*), поскольку в суровом климате острее необходимость во взаимодействии, а следовательно, быстрее формируются сами народы. Эта «скудная речь людей, помогающих друг другу и хладнокровно беседующих меж собой», и есть «настоящие языки» (*langues véritables*) в том смысле, в каком их понимали «господа из Пор-Рояля», то есть языки, описанные посредством систематической грамматики. При этом Руссо подчеркивает, что современные языки, хотя и «сохраняют кое-что из этих различий», являются результатом «стократного смешения и перестройки» (*cent fois mêlées et refondues*)⁹⁷. Этого требует не только миф о вавилонском смешении языков, но и выдвигаемая Руссо теория о цикличности миграций из южных стран в северные.

Версия протоистории, представленная в «Опыте», принципиально отличается от экспериментальной антропологии «Второго рассуждения». Во-первых, «счастливый век» (*âge heureux*) человечества выведен как пастушеская пастораль, а не как дикая лесная жизнь. Во-вторых, он связан с семейной общиной, а не с полным одиночеством первых дикарей. Наконец, появление языка связывается не с материальными потребностями, разрушившими это беззаботное существование, а со страстями, которые способствуют тому, что влюбленные «постепенно забывают о былой свирепости»⁹⁸. Разрыв с природой происходит

95. Там же. С. 248.

96. Там же. С. 249.

97. Там же. С. 250.

98. Там же. С. 248.

уже на следующем этапе у северных народов, которые совершенствуют свои языки по мере необходимости.

В связи с этими противоречиями возникает вопрос о датировке «Опыта», который является одним из наиболее запутанных в руссоистике на протяжении целого века. С одной стороны, имеется свидетельство Руссо, что лингвистическая часть «Опыта» была задумана как комментарий ко «Второму рассуждению», с другой — его утверждение, что работа над некоторыми разделами началась в начале 50-х годов и, таким образом, была лишь наброском к его основному труду. Однако из переписки Руссо видно, что он продолжал работу над текстом «Опыта» вплоть до 1763 года, то есть уже после выхода в свет своих основных произведений⁹⁹. Вопрос этот является принципиальным. Так, ответ на него позволяет судить о векторе развития мысли Руссо. Альтернатива выглядит следующим образом: либо «Второе рассуждение» было чем-то вроде эскапистской утопии, после которой он перешел на более умеренные позиции, либо «Опыт» — не более чем ранний набросок к радикальному манифесту, который Руссо решился опубликовать скорее из финансовых соображений¹⁰⁰.

С одной стороны, бросается в глаза не свойственная зрелым работам Руссо склонность к компромиссам со ссылками на Библию и упоминание о «Просвещении» и «смягчении нравов». С другой — идея о первичности семьи и обращение к «древним республиками» как идеалу общественного устройства могут быть связующим звеном между рядом интуиций, сформулированных еще в «Первом рассуждении», и проектом образцовой республики «Общественного договора», живущей по принципам прямой демократии. Существует также целый ряд аргументов текстологического характера, доказывающих, что главы «Опыта» были написаны в разное время и отражают ретроспективный взгляд Руссо на предмет. Именно к такому выводу приходит Роберт Уоклер, проделавший скрупулезную работу по анализу манускриптов Руссо, относящихся к 1750-м годам¹⁰¹. Это могло бы объяснить столь резкое изменение перспективы и смещение золотого века из первобытного состояния ко «времени патриархов».

К тому же в заключительной главе «Опыта» Руссо дает понять, что сам по себе переход к земледелию и оседлости не означает окончательной утраты свободы. Остаются еще «языки, предрасположенные к свободе» (*langues favorables à la liberté*),

99. Rousseau J.-J. Œuvres complètes. T. 5. P. CC-CCI.

100. Ibid. P. CXCVIII.

101. Wokler R. Op. cit. P. 310–378.

которым внимают собравшиеся на агоре граждане древнегреческого полиса. Третий по счету золотой век Руссо проникнут духом древних учреждений и прежде всего «той самой Спартой, которую я готов без конца ставить в пример нам»¹⁰². Радикальная спартофилия Руссо остается постоянным мотивом его работ, начиная с «Первого рассуждения» и заканчивая «Соображениями об образе правления в Польше».

Но что общего у безмолвного праязыка дикого человека, нежного языка страстей из патриархального века «пастушеской лени» и патетических речей древних ораторов? Руссо категорически утверждает, что «языки естественным путем возникают на основе потребностей человека, изменяются и преобразуются вместе с изменением этих потребностей»¹⁰³. Следовательно, «счастливейший век, к какому бы возрасту человечества он ни относился», заканчивается там, где больше нет гармонии между потребностями и природой. В процитированном выше пассаже из «Опыта» Руссо связывает языки «звучные, размеренные, гармонические» (*sonores, prosodiques, harmonieuses*) с традицией произносить продолжительные речи перед собравшимся народом. С упадком древних учреждений в размеренности и звучности пропадает необходимость, но что становится с самим языком? Его «дух» (*génie*), утверждает Руссо, бесповоротно искажается письменностью: «Письменность, которая как будто должна закрепить в языке устоявшиеся формы, как раз меняет его. Она искажает дух (*génie*) языка, подменяя выразительность точностью»¹⁰⁴. Письменный язык не в состоянии долго сохранять «живость» (*vivacité*), свойственную языкам разговорным, в нем энергия постепенно приносится в жертву ясности. Письменный язык становится непригоден для убеждения народа, что, собственно, и не требуется в обществе, где он больше «не раздает привилегии». В древней истории, по Руссо, зло имеет трансверсальный характер: заражая политическое тело, оно извращает потребности и приводит к упадку древних учреждений, верным симптомом которого служит вырождение языка.

Какие общие выводы можно сделать из сопоставления трех «счастливых эпох» человечества и можно ли на этом основании построить некоторую эсхатологию? Существует ли определенная динамика или даже цикличность в совершенствовании и упадке языков? Деррида, на мой взгляд, находит достаточно удачное объяснение многочисленным странностям, связанным со своеобразной диалектикой прогресса и упадка

102. Руссо Ж.-Ж. Опыт о происхождении языков... С. 174.

103. Там же. С. 266.

104. Там же. С. 232.

у Руссо. Главное отличие человека — «способность к самосовершенствованию», так как и животные пользуются чем-то вроде языка, но эти языки «исключают развитие». Вопрос в том, на что направлено это «совершенствование». Деррида полагает, что Руссо

... хотел бы сказать, что прогресс двусмыслен, ибо направлен либо к худшему, либо к лучшему и осуществляется либо в хорошем, либо в дурном. <...> Однако Руссо описывает и то, о чем ему не хотелось бы говорить, а именно: это развитие (*progrès*) и в самом деле может приводить и к лучшему, и к худшему. Причем одновременно¹⁰⁵.

Эта двусмысленность, по его мнению, «упраздняет как эсхатологию, так и теологию»¹⁰⁶. Если продолжить мысль Деррида, то те, кто обвиняет Руссо в обскурантизме или, напротив, считает его вдохновителем революционного террора, остаются в плену эсхатологического и телеологического мышления, которое заставляет выбирать между прогрессом и традициями.

Поэтому, признавая Руссо первооткрывателем диалектики Просвещения, мы можем говорить о разнонаправленности вектора развития истории, в которой обращение к древним учреждениям не является реакционным, а развитие материальных потребностей и научный прогресс совсем не обязательно служат освобождению человека. Двусмысленность прогресса в полной мере проявляет себя в языке, роль которого оценивается Руссо в зависимости от выбранной в конкретном произведении перспективы. Жан Старобински называет оба текста «взаимодополняющими» — с той разницей, что «Второе рассуждение» «вписывает историю языка в историю общества», тогда как «Опыт», напротив, «вводит историю общества в историю языка»¹⁰⁷. Однако нам интересен, если можно так выразиться, институциональный остаток этого взаимного наложения, который позволил бы ввести язык в сферу республиканского законодательства. Законы возрожденной нации должны в первую очередь соответствовать природе, голос которой за шумом большого города пытался уловить Руссо. Во всех трех случаях упадка языка речь идет об утрате непосредственной связи с тем, что является основой равновесия между природой и культурой. Отказ от праязыка дикого человека делает его глухим к голосу природы, переход от пылких южных языков к скудной речи «северных вар-

105. Деррида Ж. Указ соч. С. 402.

106. Там же. С. 403.

107. Starobinski J. Jean-Jacques Rousseau: la transparence et l'obstacle. P.: Gallimard, 1976. P. 356.

варов» ставит их в зависимость от материальных потребностей, а подчинение разговорного языка письменности извращает характер общественной связи (*lien social*) между гражданами свободного полиса.

ГОЛОСОВЫЕ МАШИНЫ И ЯЗЫК ЗАКОНОДАТЕЛЯ: ОТ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ДЕКРЕТОВ К СЕНТИМЕНТАЛЬНОМУ РАЗГОВОРУ

Как показывает наш анализ, в работах Руссо, посвященных вопросам языка, речь идет преимущественно о разрыве с природой и упадке языка древних учреждений. Однако в них, на мой взгляд, можно увидеть и позитивную программу, влияние которой прослеживается во многих революционных проектах по возрождению нации. В период первого революционного кризиса, в октябре 1789 года, анонимный автор предлагает депутатам Генеральных штатов, еще не преобразованных в Национальную ассамблею, трактат «О способах выступления перед народом на площади» (*Sur les moyens d'intervenir sur le champ au peuple*)¹⁰⁸. Проект предполагал создание трех различных машин, позволяющих отчетливо донести речь оратора до «собравшегося народа». «Народный рупор» (*Porte-voix du peuple*) представлял собой огромную звуковую трубу изогнутой формы, предназначенную для усиления голоса. «Народная сводка» (*Tableau populaire*) позволяла немедленно стенографировать важнейшие идеи выступления, которые затем проецировались на огромном табло. Наконец, третья машина под названием «Передвижное кресло для выступлений» (*Siège orale mobile*) была чем-то наподобие передвижной сцены со специальным звукоусиливающим куполом. Эти проекты можно рассматривать как обоснованный ответ на известное ироническое замечание Жан-Жака: «Представьте себе француза, произносящего речь парижанам на Вендомской площади; пусть кричит изо всей мочи — будет слышен крик, но не разберешь ни слова»¹⁰⁹. Таким образом, идеологическое обоснование технических приспособлений, которые кажутся нам неотъемлемым атрибутом современной политической жизни, было разработано задолго до их реального воплощения и явно не без влияния Руссо.

Вместе с тем появление подобных проектов симптоматично и было в значительной степени вынужденной мерой, а не ма-

108. Описание машин с приложением иллюстраций в работе Гийому: *Guilhaumou J.* Op. cit. P. 151–156.

109. Руссо Ж.-Ж. Опыт о происхождении языков... С. 267.

териализацией ностальгических фантазий гражданина Жене-вы. Несмотря на падение Бастилии, объединение трех сословий в единый законодательный орган и провозглашение Декларации прав и свобод человека, события развивались по непредсказуемому сценарию. Причем не только для роялистов, но и для новой революционной элиты. Небывалый кризис легитимности поставил ее представителей в положение древних демагогов, которые вне зависимости от их намерений обязаны были убеждать народ. Армия стала малоуправляемой, и народ, как в добрые древние времена, о которых грезил Руссо, стал раздавать привилегии. Именно с осознанием «мощной объединяющей силы» (*force puissante de cohésion*) единого языка связывает появление такого феномена модерна, как «политика языка», Фердинан Брюно¹¹⁰.

Необходимость «убеждать народ» порождает новые модели политической и экономической мобилизации. Сам ход революции, а не мода, пришедшая из литературных салонов и философских кафе, вызывает к жизни фигуру законодателя (*législateur*) нации. По этому образцу выстраивали свой политический имидж многие деятели эпохи, особенно в период якобинской диктатуры, когда на эту роль претендовали «неподкупный» Робеспьер и «архангел террора» Сен-Жюст. Признавая суверенитет народа, революционные законодотворцы столкнулись с фундаментальной трудностью, предсказанной в «Общественном договоре», а именно с проблемой понимания этим самым народом смысла проводимых реформ:

Мудрецы, которые хотят говорить с простым народом своим, а не его языком, никогда не смогут стать ему понятными. Однако есть множество разного рода понятий, которые невозможно перевести на язык народа¹¹¹.

Идея обращения к народу на его языке — общее место в риторике революционных ораторов. Талейран в своем докладе об общественном образовании предлагает возродить язык, вернув ему «сильные выражения» (*expressions énergiques*), утраченные под влиянием «слабого вкуса» при Старом режиме¹¹².

110. *Brunot F. Histoire de la langue française. Vol. IX (1). P.: Armand Colin, 1967. P. 28.* При этом, как ни странно, в девятом томе его монументальной и до сих пор непревзойденной «Истории французского языка», посвященной языковой политике революционной эпохи, можно встретить лишь спорадические упоминания о Руссо. Что, на мой взгляд, является досадным упущением этой скрупулезно документированной и концептуально выверенной работы.

111. *Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре... С. 181.*

112. *Une éducation pour la démocratie. P. 154.*

Но что делать в случае, если даже новый язык, на котором ораторы напрямую обращаются к народу, понимает едва ли пятая часть французов? Анри Грегуар в 1794 году оценивал количество говоривших по-французски в шесть миллионов из тридцатимиллионного населения республики¹¹³. По этой причине на первом этапе было решено переводить революционные декреты на региональные языки. Соответствующий указ был издан уже 14 января 1790 года, а уже в августе Грегуар рассылает членам революционных обществ по всей Франции свой знаменитый опросник, направленный на исследование, выражаясь словами Бурдьё, «динамики лингвистического поля» патуа или региональных языков¹¹⁴. Он призван был выяснить, насколько широко используется патуа данного региона в религиозных обрядах, содержит ли он абстрактные понятия, употребляется в городах или только в деревне, имеет ли письменную традицию и т. п. Одновременно участникам опроса предлагалось оценить «политическую и религиозную значимость искоренения патуа» и предложить список необходимых для этого мероприятий¹¹⁵.

Появление первых переводов и попытки издания революционной прессы на региональных языках приносят разочарование: грамотное население читает почти исключительно по-французски, а лексика, хотя бы примерно соответствующая политическому словарю Просвещения, в большинстве случаев отсутствует, как и предсказывал Руссо¹¹⁶. Комитет общественного образования все увереннее склоняется к мысли о необходимости обязательного обучения «языку Конституции» всех граждан Франции¹¹⁷. С установлением якобинской диктатуры алармистская риторика резко усиливается, и Барер считает обучение национальному языку вопросом жизни и смерти революции:

Граждане! Именно так рождается Вандея, ее колыбелью было незнание законов, своим распространением она обязана тем средствам, которые употреблялись для того, чтобы туда не проникла революция. <...> Избавимся же от невежества и отправим в деревню преподавателей французского языка¹¹⁸.

Есть только один язык свободы и Конституции, поэтому, продолжает Барер, «федерализм и предрассудки говорят по-бретонски, эмиграция и ненависть к республике говорят по-итальян-

113. Une politique de la langue. P. 334.

114. Bourdieu P. Langage et pouvoir symbolique. P.: Seuil, 1992. P. 94.

115. Une politique de la langue. P. 15.

116. Brunot F. Op. cit. Vol. IX (I). P. 34–50.

117. Ср.: Une éducation pour la démocratie. P. 151, 191, 26.

118. Une politique de la langue. P. 325.

ски, контрреволюция — по-немецки, а фанатизм — по-баскски. Уничтожим, наконец, эти вредоносные орудия невежества»¹¹⁹. Особое внимание уделяется отбору кандидатов на должность преподавателей, поскольку «устные переводы» (*traductions orales*) на региональные языки нередко поручались представителям старой элиты, которая, по мнению политического авангарда якобинцев, умышленно вводила неграмотный народ в заблуждение¹²⁰. Старый режим, развивая ту же мысль Грегуар, со своими таможами на границах провинций «препятствовал политической амальгаме и создавал тридцать различных наций вместо одной»¹²¹.

Приведенные пассажи ярко иллюстрирует принцип функционирования, как сказал бы Делёз, якобинской параноидальной машины, направленной на превентивное истребление врагов революции. Насколько адекватна картина предреволюционной Франции, состоящей из десятков наций, которые не в состоянии объясниться друг с другом и вследствие этого понять, в чем заключается их общий интерес? Дэвид Абрахам Белл в своем скрупулезном исследовании генезиса французского национализма показывает, что степень взаимного непонимания была сильно преувеличена якобинскими ораторами, и жители соседних провинций могли вполне сносно объясняться друг с другом, на что указывали и многие респонденты Грегуара¹²². Однако функциональный минимум, необходимый для общения и торговли, и наличие необходимых понятий для «нюансов идей и интеллектуальных предметов» — не одно и то же¹²³.

К тому же новая республика — это не только единство законов и образа мыслей, но и «единение сердец». Как заметил по этому поводу Пьер Розанваллон, «новый общественный договор усиливается чем-то наподобие сентиментального договора (*contrat sentimental*)»¹²⁴. Возрождение нации происходит через реконструкцию подлинных социальных связей, которая невозможна без восстановления тончайшей материи взаимных аффектов. Именно на этом настаивал Руссо, описывая «народные празднества» в «Письме Даламберу», из которого революция почерпнула идею революционных праздников. Якобинские

119. Une politique de la langue. P. 326.

120. Ibid. P. 330.

121. Ibid. P. 337.

122. Bell D. A. The Cult of Nation in France. Inventing Nationalism, 1680–1800. L.: Harvard University Press, 2001. P. 171–173.

123. Une politique de la langue. P. 14.

124. Rosanvallon P. Le Modèle politique français: La société civile contre le jacobinisme de 1789 à nos jours. P.: Seuil, 2004. P. 41.

ораторы представляли возрожденную Францию чем-то вроде огромной виртуальной агоры, в которой осуществление прямой демократии регулируется невидимой рукой республиканских институтов. Первейшим из этих институтов, как утверждал Жан-Жак Руссо, является речь. Так известная в романских языках паронимия, приравнивающая перевод к предательству (*traduttore-trahitore*, *traduire-trahir*), обретает новый, подлинно республиканский смысл.

REFERENCES

- Aristotel. *Politica. Sochineniia: v 4 t.* [Works in 4 vols.], Moscow, Mysl', 1984, vol. 4.
- Barère B. *Eloges académiques*, Paris, Chez Renouard, 1806.
- Barny R. *L'éclatement révolutionnaire de rousseauisme*, Paris, Les Belles Lettres, 1988.
- Barny R. *Rousseau dans la Révolution: Le personnage de Jean-Jacques et les débuts du culte révolutionnaire, 1787-1791*, Oxford, Voltaire Foundation, 1986.
- Bazchko B., ed. *Une éducation pour la démocratie. Textes et projets de l'époque révolutionnaire*, Genève, Droz, 2000.
- Bell D. A. *The Cult of Nation in France. Inventing Nationalism, 1680-1800*, London, Harvard University Press, 2001.
- Blum C. *Rousseau and the Republic of Virtue: Language of Politics in the French Revolution*, Ithaca, Cornell University Press, 1986.
- Bourdieu P. *Langage et pouvoir symbolique*, Paris, Seuil, 1992.
- Brunot F. *Histoire de la langue française*, Paris, Armand Colin, 1967.
- Condillac E. B. *Sochineniia: v 3 t.* [Works in 3 vols.], Moscow, Mysl', 1980, vol. 1.
- Condorcet N. *Cinq mémoires sur l'instruction publique*, Paris, Flammarion, 1994.
- De Certeau M., Julia D., Revel J., eds. *Une politique de la langue*, Paris, Gallimard, 1975.
- Deleuze G. *Critique et Clinique*, Paris, Les Editions de Minuit, 1993.
- De Man P. The Rhetoric of Blindness: Jacques Derrida's reading of Rousseau. *Blindness and insight. Essays in the rhetoric of contemporary criticism*, New York, Oxford University Press, 1971, pp. 102-141.
- Derathé R. *Jean-Jacques Rousseau et la science politique de son temps*, Paris, Vrin, 1992.
- Derrida J. *Marges de la philosophie*, Paris, Les Editions de Minuit, 1972.
- Derrida J. *O grammatologii* [De la grammatologie], Moscow, Ad Marginem, 2000.
- Dougnac F. Les sociétés linguistiques fondées par F.-U. Domergue à Paris de 1791 à 1811. *Les Idéologues: sémiotique, théories et politiques linguistiques pendant la Révolution française*, Amsterdam, John Benjamins Publishing Company, 1986.
- Foucault M. *Slova i veshchi* [Les Mots et les choses], Moscow, Progress, 1977.
- Furet F. *La Révolution française*, Paris, Gallimard, 2007.
- Guilhaumou J. *La langue politique et la Révolution Française*, Klincksieck, 1989.
- Janssens D. Easily, At a Glance: Aristotle's Political Optics. *The Review of Politics*, 2010, vol. 72, pp. 385-408.
- Lakanal J. *Rapport sur J.J. Rousseau fait au nom du Comité d'instruction publique*, Paris, Imprimerie Nationale, 1794.
- Lévi-Strauss C. *Anthropologie structurale 2*, Paris, Plon, 1970.
- Lévi-Strauss C. *Tristes topiques*, Paris, Plon, 1955.
- Lough J. *Encyclopédie*, Genève, Slatkin, 1989.
- Manin B. Rousseau. *Dictionnaire critique de la Révolution Française: Idées*, (eds M. Ozouf, F. Furet), Paris, Flammarion, 2007, pp. 458-482.

- Mercier L.-S. *De Jean-Jacques Rousseau considéré comme l'un des premiers auteurs de la Révolution*, Paris, Honoré Champion, 2010.
- Mornet D. *Les Origines intellectuelles de la Révolution française: 1715–1787*, Paris, Talandier, 2010.
- Ozouf M. Régénération. *Dictionnaire critique de la Révolution Française*, Paris, pp. 373–390.
- Ricken U. *Grammaire et philosophie au siècle des Lumières*, Lille, P.U.L., 1978.
- Rivarol. *De l'Universalité de la langue française*, Paris, Club français du livre, 1948.
- Rosanvallon P. *Le Modèle politique français: La société civile contre le jacobinisme de 1789 à nos jours*, Paris, Seuil, 2004.
- Roudinesco E. A propos du "concept" de l'écriture. Lecture de Jacques Derrida. *Littérature et idéologies. Colloque de Cluny, avril 1970*, Paris, La Nouvelle Critique, 1970, pp. 219–230.
- Rousseau J.-J. Emil', ili o Vospitanii [Émile ou de l'Éducation]. *Izbrannyye sochineniia: v 3 t.* [Selected works in 3 vols.], Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1961, vol. 1, pp. 681–699.
- Rousseau J.-J. *Œuvres complètes*, Paris, Gallimard, 1995, vol. 2.
- Rousseau J.-J. Ob obshchestvennom dogovore [Sur le Contrat social]. *Traktaty* [Traité], Moscow, Nauka [Science], 1969.
- Rousseau J.-J. Opyt o proiskhozhdenii iazykov, a takzhe o melodii i muzykal'nom podrazhanii [Essai sur l'origine des langues où il est parlé de la mélodie et de l'imitation musicale]. *Izbrannyye sochineniia: v 3 t.* [Selected works in 3 vols.], Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1961, vol. 1.
- Rousseau J.-J. Pis'mo k d'Alamberu o zrelishchakh [Lettre à M. d'Alembert]. *Izbrannyye sochineniia: v 3 t.* [Selected works in 3 vols.], Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1961, vol. 1.
- Rousseau J.-J. Rassuzhdenie o proiskhozhdenii i osnovaniakh neravenstva mezhdum liud'mi [Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes]. *Traktaty* [Traité], Moscow, Nauka [Science], 1969.
- Sobol A., ed. *Textes choisis de l'Encyclopédie*, Paris, Editions Sociales, 1962.
- Starobinski J. *Jean-Jacques Rousseau: la transparence et l'obstacle*, Paris, Gallimard, 1976.
- Van Damme S. *Paris, capitale philosophique: De la Fronde à la Révolution*, Paris, Odile Jacob, 2005.
- Wokler R. *Rousseau on Society, Politics, Music and Language*, London, New York, Garland Publishing, 1987.